

3. Николаева, Е. В. Произведение высокого искусства в формате массовой культуры / Е. В. Николаева // Развлечение и искусство : сб. статей под ред. Е. В. Дукова.— СПб., 2008.— С.546-559.

4. Arts Council England Grant-in-Aids and Lottery distribution annual report and accounts / Arts Council England.— UK, Williams Lea Group — 2014.

Е. А. Криштаносова

Минск, Белорусский государственный университет
культуры и искусств

К проблеме типологии мультикультурализма

Известно, что большинство государств современного мира являются поликонфессиональными, полиэтническими, полиязычными. В связи с этим приблизительно с 70-х годов XX в. страны оставляют усилия добиться этнокультурной гомогенности общества и провозглашают в качестве основного приоритета интеграцию без ассимиляции. Общество предстает не как гомогенная целостность, а как совокупность разнообразных и равноправных сообществ. Значимую роль в трансформации современных воззрений на социум и на культуру играет политика мультикультурализма. Ее главный императив — равенство типологически и аксиологически различных культур, их толерантное взаимодействие в рамках единого социокультурного «организма» при сохранении самобытности каждой из них. Однако следует отметить, что мультикультурализм — это не просто признание наличия культурных различий у групп населения единого государства, но и определенная концептуальная позиция в политической сфере. Она воплощается в правовых нормах, отражается в характере общественных институтов и в повседневной жизни людей. Поэтому с точки зрения современной политической культуры цель проекта мультикультурализма — обеспечить поддержку культурной специфики миноритетов и возможность принадлежащих к ним индивидуумов и групп принимать полноправное участие во всех сферах культуры и в целом в общественной жизни государства.

Мультикультуралистские стратегии государств можно с некоторой степенью условности разделить на три типа:

– социальный, предполагающий улучшение условий проживания иммигрантов, обеспечение равных прав на образование,

трудоустройство, здравоохранение, на улучшение жилищных условий и т.д.;

- этнический, выражающийся в признании историко-культурных традиций и ценностей различных этнических групп;

- религиозный, обеспечивающий равное принятие вероисповеданий различных этнических групп и возможность их сосуществования на территории единого государства.

На наш взгляд, с помощью типологии возможно наиболее глубокое определение позитивных и негативных последствий для страны в ходе осуществления политики мультикультурализма.

Выбор того или иного типа политики мультикультурализма в разных странах мира зависит от общенациональных приоритетов и устоявшихся ценностей. Мы настаиваем на нашей оговорке «с некоторой степенью условности», поскольку, по нашему убеждению, в практических взаимодействиях этнокультурных групп эти три типа в значительной мере пересекаются. Так, вряд ли возможно говорить о реальном равноправии меньшинственных групп при отсутствии уважения к их ценностям и традициям. Тем не менее, мы убеждены в том, что речь идет не только о принципах мультикультурализма, но и о его типах, так как интеракции этносов и этногрупп, определяемые указанными выше геобитальными параметрами, всегда в большей степени центрируются на социальной, этнической или религиозной подоплеке.

С целью обоснования этого тезиса следует проанализировать каждый из предложенных типов на примерах конкретных стран.

На наш взгляд, **социальный тип** политики мультикультурализма характерен, главным образом, для США. Отметим, что в США мультикультурализм не стал частью государственной политики, он проявился, в первую очередь, именно в социальной сфере. На протяжении последних нескольких десятилетий система социального обеспечения в США постепенно превращается в инструмент решения проблем меньшинств; около 60 % расходов на эти цели средств направляется на поддержку граждан африканского и латиноамериканского происхождения, составляющих менее 20 % населения страны [3, с. 17].

Сильнее всего влияние мультикультурализма затронуло, пожалуй, американскую систему образования. К концу 1990-х годов мультикультурная парадигма утвердилась во многих американских университетах с введением квот на поступление. Но на пути

ее воплощения возникли существенные осложнения, основное из которых — снижение качества образования. Исследования уровня подготовки в американских колледжах показали, что афроамериканцы, поступившие благодаря квотам, имеют гораздо более низкие результаты тестирования, чем студенты, поступившие без квот. Можно сделать вывод, что стратегия мультикультурализма, проводимая в Америке, преобразовалась в практику своего рода «позитивной дискриминации» по отношению к «цветным» гражданам (позднее — и к этническим меньшинствам, формируемым иммигрантами). Тем самым проводимая политика не принесла ожидаемого результата — интеграции меньшинственных групп в общество, а закономерно привела к проявлениям сегрегации в отношении титульной нации. Примером этого стало появление общежитий для выходцев из Азии; изменение гуманитарных учебных программ, где культуре WASP отводится такое же количество часов, как и культуре индейцев и других этнических групп. В общем смысле можно говорить о начавшемся процессе размывания общеамериканской государственно-культурной идентичности. Красноречивые примеры издержек «позитивной дискриминации» во множестве представляет и следующая установка: со второй половины 90-х гг. XX в. участились случаи, когда судебные решения выносятся с учетом культурных особенностей подсудимого. Так, в 2014 г. в штате Висконсин судья оправдала иммигранта из Юго-Восточной Азии, обвиненного в растлении двух 11-летних девочек, на основании того, что «сексуальные контакты с молодыми девушками являются традиционной чертой азиатской культуры», и приговорила его к бесплатному 2-месячному курсу изучения английского языка, что должно было способствовать его приобщению к американской культуре [2, с. 62–64]. Здесь речь идет уже не размывании национальной самоидентификации американского общества, а о том, что фундаментальные ценности права и морали США оказываются под вопросом, т.е. нарушаются принципы самой социокультурной организации общности. Тем не менее, по прошествии времени выяснилось, что отказаться от политики мультикультурализма невозможно. Представители меньшинств, для которых «позитивная дискриминация» давала преимущества в образовании и на рынке труда, резко воспротивились отмене этой практики. Здесь речь уже идет о проблеме самосохранения американских гражд-

дан. Результат этого — утрата словом «мультикультурализм» положительных коннотаций словом.

Религиозный тип стратегии мультикультурализма наиболее ярко проявился в политике Франции. Основной проблемой, связанной с иммигрантами во Франции, всегда было их вероисповедание (ислам). В отличие от иммигрантов из южной Европы, которые, как и большинство французов, являются католиками, иммигранты, исповедующие ислам, не смогли органично влиться в общество и принять основные нормы французской культуры. Не имея возможности ассимилировать выходцев из исламского мира, республиканская модель впервые потерпела серьезное фиаско, подорвав веру французов в способность их культуры «переваривать» иноэтнические «вкрапления». Желание французов полностью ассимилировать мусульманское население страны никоим образом не совпадало со стремлением последних жить по своим религиозным установлениям и придерживаться собственных культурных ориентаций, порой резко отличающихся от французских. Несколько последних десятилетий эти разнонаправленные намерения определяли противоречивый характер мультикультуралистского дискурса во Франции.

Недовольство иммигрантов во Франции имеет множество формальных и вполне актуальных причин: главная состоит в том, что уровень безработицы в иммигрантской среде чрезвычайно высок (достигает 30 %). Кроме того, районы расселения иммигрантов во Франции — далекие и недостаточно обустроенные пригороды. И постоянные незначительные поводы для выступления религиозных меньшинств против политики, проводимой французскими властями, послужили обострению противоречий, которые уже вышли в настоящее время за рамки сугубо религиозных ценностей. Это, в свою очередь, вызвало во Франции общественную дискуссию, которая стала началом продолжительного и до сих пор не завершившегося противостояния двух идеологий во французской политике: той, которая выступает за ассимиляцию иммигрантов и религиозных меньшинств, и той, что отстаивает их право быть «другими». Этот конфликт выявил, что проблема культурных различий во Франции преимущественно связывается с религией (прежде всего исламом), которая противопоставляется секуляристской республиканской традиции и французским правовым и политическим традициям в целом.

Некоторые из защитников религиозной модели мультикультурализма указывали на тот факт, что отказ правительства поддерживать мусульман в борьбе за религиозную традицию и символику играет на руку французскому Национальному Фронту и другим радикальным группировкам, которые основывают свои кампании против иммигрантов и меньшинств на идее защиты французской культуры. Оппозиционное мнение было, в частности, высказано историком Михаэлем Виноком. Он обсуждает два возможных сценария: «Или в противоположность нашим традициям мы допустим образование религиозных сообществ, живущих по своим собственным правилам как государство в государстве, со своими особыми законами, обычаями и, значит, мы способствуем сегрегации во имя «различий». Или, верные своей истории, мы полагаем, что мусульмане могут, если они того хотят, стать французскими гражданами. В этом случае их религия, религия меньшинства пойдет на те уступки, которые в прошлом должен был сделать католицизм» [1, с. 31].

Сегодня французская идеология в области культурных различий ориентируется на «золотую середину», которая заключается в сочетании политики плюрализма и политики исключения, т.е. в принятии культурных различий при условии, что сами меньшинства ограничивают эти различия рамками доминирующих культурных норм. Однако, как показывают события последних лет, эта «золотая середина» далеко не достигнута, и неясно, может ли она быть достигнута в принципе.

К *этническому типу* можно отнести политику мультикультурализма, проводимую Австралией. В Австралии иммиграция привела к резким изменениям этнодемографической структуры общества. К концу 70-х гг. XX в. политика, нацеленная на ассимиляцию иммигрантов, начала давать сбои и встала необходимость в срочном изменении национально-культурного курса. Вследствие этого австралийские власти решили переориентировать иммиграционную политику на модель мультикультурализма. Начали складываться структуры (самая известная и действенная из которых — *Australian Institute of Multicultural Affairs*), на которые была возложена забота об «этнических общинах». Специальный телеканал и радиопрограмма, ориентированные на переселенцев, начали вещать на многих языках, образование в школах перешло на мультикультурную систему и т.д.

Однако нельзя не отметить и негативных последствий такой стратегии. Модель «мультикультурного общества», функционировавшая в Австралии с середины 70-х до середины 80-х гг. XX в. обрекала иммигрантов на необходимость отождествлять себя с определенной общиной, склоняя к самоизоляции и создавая опасность *этнизации* социальных различий и отношений. Одна из причин этого — некорректная интерпретация культурных особенностей той или иной этнической группы администрациями городов, навязывающими им образ жизни, не соответствующий их ценностным ориентациям.

При этом государственные и общественные деятели Австралии не сдались перед грудой накопившихся противоречий. Опубликованная в 1989 г. *National Agenda of Multicultural Australia* (Национальная повестка дня мультикультурной Австралии) выделила три измерения мультикультурной политики:

- культурную идентичность;
- социальную справедливость;
- экономическую эффективность.

Первый пункт закреплял за каждым гражданином право на культурную реализацию, причем право *на выбор культурной идентичности* предоставлялось всем гражданам. Этничность — как и языковая, и религиозная принадлежность — не закреплялась за индивидами или группами в качестве неотъемлемого свойства; считалось, что она — плод свободного решения человека. Второй пункт предполагал правовые гарантии равенства возможностей и отсутствия социальной дискриминации. Наконец, третий пункт означал поощрение талантов граждан, независимо от их происхождения. Эта социальная политика позволила представителям меньшинств реализовать себя в качестве высококвалифицированных работников и занимать высокооплачиваемые должности независимо от своей этнической принадлежности.

В целом можно признать, что австралийский опыт мультикультурализма оказался удачным именно потому, что не претендовал на создание системы этнически специфицированных прав, осложняющей гражданскую консолидацию. Следует особо отметить, что в Австралии реально действуют законы против расизма и этнической дискриминации. Но существует обратная сторона — отсутствие юридически оформленного положения о мультикуль-

турализме. Решение проблем, связанных с социальной интеграцией иммигрантов, делят между собой департамент занятости, образования и профессионального обучения. В связи с этим отсутствует возможность решения каких-либо вопросов на уровне правительства страны, в силу чего австралийский мультикультурализм имеет во многом ситуативный, несогласованный характер. Основным позитивным моментом — снижение уровня агрессивности современного австралийского общества. Вследствие этого глубокие этнодемографические и этнокультурные изменения, происшедшие за одно поколение, не вызвали заметной социальной напряженности.

Подводя итог, хотелось бы остановиться на нескольких основных позициях:

- в мультикультурных странах наблюдается отказ от идеи доминирования одной культуры и единой межконфессиональной сферы, и тем самым формируются условия для взаимопонимания и толерантности, равно приоритетных для всех граждан;

- при корректно проводимой политике мультикультурализма этнические, социальные или религиозные разделения, как правило, приводят не к вражде, а к согласию. Однако следует принять во внимание, что ущемление прав коренного населения во благо «приезжих» зачастую приводит к конфликтным ситуациям;

- анализ стратегий мультикультурализма в США, Франции, Австралии дает возможность предположить, что введение мультикультурной политики ориентировано на решение разных проблем. В связи с этим возможно выделить типы мультикультурализма, которые всецело зависят от ценностей, идей и идеалов конкретного общества;

- избранный конкретной страной тип мультикультурализма не решает всех проблем в обществе. В связи с этим мы считаем, что при доминировании одного типа мультикультурализма необходимо уделять внимание рецессивным направлениям социальной политики;

- мультикультурализм является ярким примером взаимосвязи культуры и политики, что способствует признанию существования поликультурного сообщества на уровне государства или его регионов.

Литература

1. Конданьоне, К. Миграционная политика как планирование наугад. Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России / К. Конданьоне.— М.: Гендальф, 2012.
2. Lutton, W. Immigration, Sovereignty, and the Future of the West / W. Lutton // The Real American Dilemma: Race, Immigration, and the Future of America.— N.Y.: New Century Books, 2015.— P. 62–67.
3. Statistical Abstract of the United States 2011.— Washington (DC) : U. S. Census Bureau, 2011.

С. Кулявичюс

Вильнюс, Вильнюсский университет

Зарождение региональной «политической памяти» в XXI веке: Жямайтийский случай

«Наша современная государственная политика побудила нас перестать молчать, решительнее противостоять политике как по ассимиляции жямайтов, так и по уничтожению Жямайтии в качестве региона. Современная ситуация в Жямайтии наглядно показала, как меняется жямайтиский язык вследствие инвазии литературного языка в Жямайтийский край. На наш взгляд, это делается целенаправленно и тенденциозно» [2],— такими словами неудовольствия начинается презентация *Ассоциации Жямайтийского края* перед общественностью. Это сказано в 2010 г. До 2000 г. трудно себе представить акцентирование жямайтов как национальности или открытую критику политики «центра» (Литвы). Это свидетельствует о том, что в XXI в. в сознании части жямайтов происходят новые важные изменения — их вдохновляют новые идеи.

Предыстория. В письменных источниках *жсямайты* (*жсмудь, жемайты, жамойты, жсмудины*) упоминаются с XIII в. наряду с наименованием Литвы. Со временем эта тенденция не изменилась. Складывается впечатление, что жямайты вышли на арену истории благодаря Литве или в её контексте. Тем не менее, трудно не заметить или опровергнуть, что жямайты и Жямайтия с позиции той же Литвы всегда были, по крайней мере, самобытной единицей. Самобытность проявлялась на различных уровнях: